Анна Данилова

Смерть нимфы

«...убитую звали Лора...»

Анна Данилова

Смерть нимфы. «… Убитую звали Лора…»

«Издательские решения»

Данилова А.

Смерть нимфы. «…Убитую звали Лора…» / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833860-1

«Мужчина, который хотя бы один раз побывал с ней в постели, становился ручным…» В своей постели зарезана фотомодель журнала «Нимфа» — Лора. Только ревность, по мнению пианистки Наталии Ореховой, умеющей «видеть» изнанку преступлений, могла спровоцировать убийство. У кого сердце разрывалось от ревности — тот и схватился за нож.

ISBN 978-5-44-833860-1

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 17
Глава 4 22
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Смерть нимфы «…Убитую звали Лора…» Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

ISBN 978-5-4483-3860-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1
Смерть нимфоманки

Игорь Логинов ушел от нее в шесть утра, успев! съесть тарелку пельменей и выпить поллитра кофе с молоком.

– Ты хоть и прокурор, а ешь как лошадь: много и без разбора, – заметила Наталия, убирая со стола грязные тарелки и в душе испытывая странное чувство разочарования и неудовлетворенности таким вот поведением своего любовника.

– Я и работаю как лошадь, – невозмутимо парировал Логинов, поднимаясь из-за стола и пытаясь обнять ускользающую от него Наталию. – Ты чем-то недовольна?

– А чему радоваться-то? Ты приходишь среди ночи, удовлетворяешь с моей помощью свои физиологические потребности, а чуть свет, будишь меня, чтобы я накормила тебя… У меня что, больше никаких дел нет?

– Да ладно, не бузи, успокойся. Я вот сейчас уйду, а ты можешь еще поспать. Вечером вернусь поздно, поэтому не жди меня и ложись…

Она посмотрела на него с укором, в котором заключалось все: и раздражение по поводу его бесцеремонного вторжения в ее личную жизнь, которое нарушало все ее планы, и возмущение его прямолинейностью, доходящей до абсурда и постоянно балансирующей на грани элементарной грубости. Но с другой стороны, все ее упреки и укоры носили в себе элементы нежности и заботы, поэтому Игорь реагировал на них лишь с видимым недовольством.

– Они встречались уже почти два года: Наталия – учительница музыки и Игорь Логинов – прокурор города. Ей – 26, он – старше ее почти на 10 лет. И все эти два года Наталия находилась в постоянном напряжении. Дело в том, что Игорь с утра до ночи занимался тем, что расследовал преступления и искал преступников, а Наталия при помощи своего дара вольно или невольно помогала ему в этом и никак не могла определить, встречается ли он с ней из-за естественных чувств, возникающих между мужчиной и женщиной (что ее как раз больше бы устроило), либо ему просто нужен источник информации. Поэтому она скорее мучилась, чем получала удовольствие от этого весьма странного тандема.

С другой стороны, Игорь был превосходным любовником. Он был красив, силен, умен и обладал массой других достоинств. И хотя в его отношении к ней, к ее удивительному дару, всегда сквозила ирония, она прощала ему это и, как ни странно, всегда радовалась его приходу.

– До вечера. – Он поцеловал ее в щеку и улыбнулся:

– Не сердись, у меня работа такая. Если удастся – приду пораньше.

Она проводила взглядом высокую стройную фигуру в сером костюме, вдохнула запах его одеколона и вернулась в спальню. Села на постели, затем легла, откинувшись на подушки, и подумала о том, как было бы хорошо вообще не ходить на работу. Она бы спала, играла на рояле и изредка вставала бы, чтобы перекусить, гуляла бы по улицам, путешествовала – словом, жила… А тут приходится ходить в музыкальную школу и обучать нотной грамоте молодых «осликов-учеников», как называет их Игорь.

Так, мечтая и размышляя о невозможности изменить образ жизни, она уснула. А проснулась от резкого звонка. Села на постели и, не увидев рядом с собой Игоря, вспомнила, что он давно уже ушел. Накинув халат, она кинулась в прихожую, чувствуя, что этот ранний визит доставит ей немало удовольствия или, во всяком случае, внесет хоть какое-то разнообразие в ее жизнь. Только вот объяснить, откуда у нее появилось это предчувствие, она вряд ли смогла бы даже себе.

Когда она посмотрела в глазок, то не поверила собственным глазам: на площадке стояла Сара Кауфман, директор косметического салона «Кристина», ее давняя приятельница и един-

ственный человек в городе, знающий ее тайну и всячески поддерживающий ее жизненные принципы.

Несмотря на раннее утро, солнечное и по-июньски многообещающее, на Саре были черные узкие брюки и черная просторная блуза из шифона. Словом, что-то траурное, роковое и непонятное. Черные солнцезащитные очки, черные волосы, черные туфли и даже черные с золотом массивные часы.

– Ты не спишь? – Она почти ворвалась в прихожую и, бросив на столик черную лаковую сумку, огромную и легкую, прошла в гостиную. – Ты извини меня, пожалуйста, Наташенька, что я разбудила тебя, но дело не терпит отлагательства. Ко мне только что приехала сестра Майя. Она в панике, ей страшно: ее собираются убить.

– Майю? За что? Она же совсем еще девочка!

– Не знаю. И она ничего не знает. Ей прислали вот это. – Сара достала из кармана блузы клочок бумаги и протянула его Наталии.

«Вас собираются убить. Будьте осторожны.

Любящий Вас С».

Наталия, увидев записку, окончательно проснулась. Перед ее глазами возникла хрупкая черноволосая девушка редкой красоты. Майя.

– Ты сказала, что она к тебе приехала. Откуда? – Наталия села напротив Сары и, откинув тяжелую волну светлых густых и спутанных волос за спину, тряхнула головой, пытаясь что-то понять.

– Из дому. Она вот уже год как живет одна. Родители купили ей квартиру на Белоглинской… Вот там, в почтовом ящике она и нашла эту записку.

– Так может, это адресовано вовсе и не ей? Или же кто-нибудь с ней пошутил, разве вам такое в голову не приходило?

– Приходило, – кивнула Сара, – но она уверена, что записка адресована именно ей и что ее действительно могут убить.

– Но за что?

– В прошлом году, как ты знаешь, она закончила университет и сразу же после этого устроилась пресс-секретарем к Принцеву. Работа непыльная, платили хорошо, график работы свободный. Она была в курсе всех городских событий, сопровождая Принцева на всяческих мероприятиях…

– Можешь не продолжать, – перебила ее Наталия. – Я вспомнила. Полгода назад Принцева убили. А ведь он был одной из самых влиятельных фигур в правительстве после губернатора. Видишь, как полезно порой читать местные газеты. Но только при чем здесь твоя сестра – непонятно. Разве что она знала убийцу или просто случайно оказалась свидетельницей чего-то, имеющего ко всему этому отношение. Такое бывает. Но тогда почему ею заинтересовались спустя полгода? А кто такой С? Она тоже ничего не знает?

– Тем более любящий… – задумчиво проговорила Сара.

Наталия внимательно посмотрела на нее и вспомнила события двухлетней давности: тогда собирались убить ее, Сару, и Наталия благодаря своему дару смогла предупредить ее о том, как опасен ее молодой любовник… Она просто играла в темноте на своем рояле, и видения, к которым она стала постепенно привыкать как к части своего сознания, позволили ей подсмотреть за убийцей…

– Она встречается с кем-нибудь? – спросила Наталия, направляясь на кухню, чтобы сварить кофе.

– Да. У нее есть мужчина. И, представь себе, его зовут Станислав. На «С».

– Пойдем-ка на кухню. Ты будешь кофе с молоком или без?

– Все равно. – Сара подошла к кухонному окну и встала, скрестив руки на груди. – Какой день! Говорила же я ей, чтобы она поехала на остров и отдохнула. У меня даже была заготовлена путевка, но она отказалась, и знаешь из-за кого?

– Догадываюсь: из-за своего Станислава на букву «С». Угадала?

– Правильно.

Наталия разлила кофе по чашкам, добавила молока и вдруг сказала:

– Я должна ее увидеть. Вот так сразу сказать тебе что-то я не могу. Но мне надо с ней поговорить. Обязательно. Где она сейчас?

– У меня, где же еще? Она боится оставаться в своей квартире.

– Давай мы сейчас ей позвоним и предупредим о своем приезде.

Сара взяла телефон и принялась набирать свой номер. В тихой квартире раздавался лишь звук телефонной пружины: цифра за цифрой и пауза. Затем еще и еще. Наталия, которая мыла чашки на кухне, вся внутренне напряглась: она понимала, что в квартире Сары не берут трубку. Но почему? Неужели Майе настолько страшно, что она даже боится подойти к телефону?

– Ну что, не отвечает? – Она попыталась произнести эту фразу как можно спокойнее.

– Нет, не отвечает. Что же это такое?

– Это может происходить по нескольким причинам: во-первых, Майя не хочет, брать трубку, во-вторых, она отключила телефон, в-третьих, телефон неисправен, в-четвертых.., ее убили, – закончила Сара и резко поднялась. – Умоляю тебя, поедем… Только прежде… Попробуй что-нибудь узнать…

– Боюсь, что у меня ничего не получится… Понимаешь, все это достаточно сложно… Я еще не успела как следует вникнуть, я еще не думала об этом…

Ей трудно было объяснить испуганной Саре, что ее видения возникают не на пустом месте, а только если ее действительно что-то волнует. Основные логические нити видений столь же неясны, как и их происхождение. Но попытка не пытка.

Она вошла в свой кабинет, который раньше служил лишь местом занятий, где она давала частные уроки или просто играла для души, а теперь превратился в экспериментальную лабораторию для изучения собственной психики с элементами сюрреализма, помноженного на иллюзию киношного триллера.

– Хорошо, я попробую, – кивнула она побледневшей Саре и скрылась за дверью кабинета. Села за рояль. В комнате, казалось, поселилось солнце. Оно било в открытые окна, сияло на стеклянных предметах, переливалось желто-белыми бликами на блестящей поверхности крышки рояля и согревало все вокруг. Такая благостная обстановка как-то не располагала к мыслям об убийстве, опасности, страхе. Хотелось сесть в машину и помчаться за город, на Волгу, на острова, на пляж…

Наталия тряхнула головой, сосредоточилась и прикоснулась пальцами к клавишам. Закрыла глаза. И тотчас услышала плеск воды, визг детей, щенячий лай… И увидела пляж. Звуки совпадали с картинкой, все встало на свои места. До нее даже донесся запах теплых от жары водорослей, воды, подгоревшего молока (как пахнет в столовых или детских садах); потянуло костром…

– , Наталия играла свободную импровизацию на тему «Розовой пантеры». Дети носились по берегу, шлепая босыми ногами по кромке воды и поднимая вокруг себя фонтанчики прохладных брызг… Дальше картинка стала уплывать куда-то в сторону, показались голубоватые в какой-то дымке камыши, словно человек, видевший все это, скользил вдоль берега на лодке. Затем открылась сиреневая таинственная протока – Наталия скользнула взглядом в глубь нее и понеслась дальше, все быстрее и быстрее; ее восхищенному взгляду предстал удивительный по красоте пейзаж с матово блестевшей водой, от которой поднимался пар, два берега, густо покрытых розовыми и желтыми цветами, и даже корова, светло-коричневая с белыми пятнами, меланхолично жующая траву…

Она сняла пальцы с клавиш, опустила руки на колени и замерла. Ей стало нестерпимо стыдно за свои видения. Как же она теперь объяснит Саре, что вместо того чтобы увидеть Майю или что-то, связанное с ее историей и страхами, она очутилась в благословенном месте отдыха, о котором так долго мечтала, дожидаясь, пока Логинов не возьмет отпуск и не повезет ее на море или на волжские острова…

Мысль о том, что эти видения как-то косвенно связаны с сестрой Сары, ей почему-то в голову не приходила.

Она снова принялась играть. И снова с закрытыми глазами.

На этот раз невидимая лодка с невидимым «оператором» ее видений как по маслу заскользила в глубь потемневшей от сумерек протоки. Вода была черная, в ней отражалось фиолетовое небо с четко очерченными огненно-черными контурами облаков. И вот посреди этого безмолвия, этих ивовых зарослей и цветущих полян на берегах Наталия вдруг увидела на поверхности воды жесткие шелковые листья, круглые и плоские, а между ними словно отлитые из ярко-желтого воска изящные, источающие сильнейший сладковато-болотный аромат кувшинки.

И вдруг – крупный план. Одна кувшинка, большая, душистая до головокружения, а в ней что-то белое, похожее на записку. Вот это уже больше подходило к моменту. И к Майе. И ко всему прочему.

Поэтому когда она вышла из кабинета и увидела стоящую с испуганными глазами Сару, то первое, что она сказала, было:

– Мне срочно надо увидеть Майю.

Но ее в квартире не оказалось. Не было ни луж крови, ни сломанной мебели, ни прочих свидетельств погрома. Квартира была просто пуста.

– Боже, где же она? – Сара поочередно открывала одну за другой все двери своей огромной квартиры, заглянула даже в кладовую, но сестру свою так и не обнаружила.

– Значит, она поехала домой, – предположила Наталия. – Успокоилась и решила вернуться.

– Нет. Все не так. Да и я тебе все рассказала не так, как было. Перестраховалась, понимаешь? – Сара вопреки своим правилам достала из буфета спрятанную на всякий случай пачку легких дамских сигарет «Вог» и закурила. – Она велела никому ничего не рассказывать. Но записку она действительно получила. Сегодня утром. Или, может быть, вчера вечером, я у нее даже не уточнила.

– А что ты рассказала мне не так? – Наталия недоуменно пожала плечами. – Записка была? Была. Майя у тебя в квартире была? Так в чем же дело?

– Она говорила про записку шутя, понимаешь? Она ничего и никого не боялась. И сказала, что записка наверняка адресована не ей, вот в чем все дело.

– Но ведь она пришла к тебе… И показала записку. Если бы она не испугалась, то не придала бы значения этому факту и уж тем более не стала бы посвящать тебя в случившееся. Нет, я думаю, она намеренно рассказала тебе об этом; в случае если с ней что-нибудь случится, то хотя бы ты будешь знать, что ей кто-то угрожал.

– Но ведь записка-то сама по себе не содержит угрозы, – возразила Сара. – Какой-то любящий С, хочет предупредить ее об убийстве и просит быть осторожной.

– А что ты знаешь об этом Станиславе?

– Бывший однокурсник Майи. Хорошо воспитанный молодой человек, влюбленный в нее по уши. Майя смеется над, его чувствами, а он терпит. Из таких, как он, получаются превосходные мужья, но он практически нищ. Преподает в школе русский и литературу, а на эти деньги, сама знаешь, можно купить разве что букет свежих роз, не более того.

– Но ведь если бы Майя любила его, вопрос денег отпал бы? – осторожно спросила Наталия.

– Даже не знаю, что тебе и сказать… – Сара выглядела расстроенной: исчезновение сестры, казалось, потрясло ее.

– Сара, успокойся, – попыталась приободрить ее Наталия. – Может, ты все преувеличила? Ведь если бы все было так серьезно, как ты рассказываешь, Майя бы никуда отсюда не ушла.

Наталия взглянула на часы: половина девятого. Через полчаса у нее начнется урок сольфеджио. Заметив ее беспокойство, Сара всплеснула руками и вздохнула:

– Ты извини меня, пожалуйста, но обещай, что никому об этом не расскажешь, ладно? Просто нервы у меня что-то стали сдавать. Наверное, это после того случая. И еще… Ты сейчас уйдешь, конечно.., пообещай мне, что если Майя объявится или ей будет что-нибудь угрожать, то ты поможешь нам. Пойми, у меня, кроме этой девочки, никого больше нет. И если что-то случится, я не переживу. Хорошо? – Сара подошла к Наталии и обняла ее.

«Как же, должно быть, она одинока», – подумала Наталия и тоже обняла Сару. А ведь глядя на эту женщину, ни за что не подумаешь, что она так слаба и уязвима.

– Хорошо, я обещаю.

Они попрощались на пороге. Наталия, не дожидаясь лифта, легко сбежала по ступеням вниз и, уже перед тем как выйти из подъезда, наступила на что-то упругое, что тотчас хрустнуло под ногой. Она вздрогнула, как если бы наступила на живое существо, и взглянула вниз: на ступеньке лежала раздавленная желтая кувшинка. Между ее расплющенными мясистыми лепестками что-то белело. Наталия наклонилась и подняла листок бумаги, пропитанный соком кувшинки. «Я же предупреждал тебя» – было написано на нем теми же чернилами и тем же почерком, что и записка, показанная Сарой. И подпись: «Любящий С».

Наталия села в свой сиреневый «Опель», купленный ею два года назад на гонорар, заработанный на Рафе – убийце Лискиной и Бедрицкой; он же покушался и на жизнь Сары Кауфман, которую Наталия вовремя успела предупредить и тем самым спасла ей жизнь (а вдовец Бедрицкий отблагодарил Наталию за поимку убийцы жены), и поехала в музыкальную школу. И вдруг на полпути остановилась, да так резко, что завизжали тормоза: она вспомнила, что наступил июнь, сейчас пора выпускных экзаменов и никаких занятий по сольфеджио и музыкальной литературе уже нет. Это Игорь с самого утра ввел ее в заблуждение фразой, призывающей идти на работу, чтобы обучать детей музыкальной грамоте.

Весь город был залит солнечным светом. Насколько хватало глаз, повсюду зеленели деревья и цвели цветы, а в воздухе пахло ранней клубникой, которую продавали на каждом углу. Наталия вышла из машины, купила стакан клубники и съела ягоды прямо на улице – немытые, сочные, сладкие и душистые. Затем вернулась в машину, достала ежедневник и открыла его на первой июньской неделе. «Понедельник, 5 июня – зарплата».

В школе пахло краской: родители учеников пришли ремонтировать кабинеты, – а в коридоре уже выстроилась очередь на получение зарплаты. Учителя были одеты совершенно по-летнему и как-то несерьезно, даже сами на себя не были похожи. И только Бланш, самая древняя учительница, которая, несмотря на свои явно преклонные годы, выглядела совсем даже, неплохо, пришла в торжественный день получения зарплаты в белой гипюровой блузке и синей юбке-гофре. От нее пахло «Красной Москвой» и пирожками с капустой, которые она принесла из дома вместе с прошлогодней малиновой наливкой собственного приготовления, чтобы всем вместе в учительской отметить столь знаменательное событие.

– А вот и Наталия Валерьевна! – радостно воскликнула Бланш, ковыляя ей навстречу на каблуках и улыбаясь во весь рот. – А вам сегодня звонили. Мужчина.

«Логинов, что ли?»

– Надо будет, еще позвонит, – как можно беспечнее сказала Наталия и направилась к концу очереди. – Кто последний за зарплатой?

– Вера Ивановна у нас последняя: ей, как и вам, наверно, деньги не нужны… – кокетливо заметила Бланш, которая при всем своем старании и такте не могла обойти вниманием тот

факт, что Наталия Валерьевна приезжает на работу на «Опеле», а Веру Ивановну Комиссарову так вообще привозят на «Волге» – служебной машине ее мужа, вице-губернатора. Только вот если с Комиссаровой было все ясно (муж все-таки!), то по поводу Наталии ходили самые разные слухи – вплоть до таинственного и почему-то московского любовника. Но Наталия молчала, не собираясь ни с кем обсуждать источник происхождения своих денег, а просто работала как все и старалась вовремя приходить за зарплатой, в которой конечно же не нуждалась. Это были настолько несерьезные деньги, что по сравнению с теми суммами, которые ей удавалось заработать своим способом, на них можно было купить действительно (как сказала Сара Кауфман) только букет живых роз. Не более того.

Она часто вспоминала слова Сары, которые в общем-то многое перевернули в ее представлениях о своем предназначении да и о роли денег в жизни. «Я тут поняла из твоих слов, – сказала тогда Сара, – что у тебя есть какой-то дар, благодаря которому ты что-то видишь. Используй его, не жди, пока твой прокурор раскрутит это дело. У них своя система, а ты пользуйся случаем. Нельзя быть законченной бессребреницей, это глупо, тем более в наше время, когда кругом анархия и попираются все основополагающие жизненные принципы. И еще: никогда не отказывайся от денег. Если человек предлагает тебе деньги или подарок, значит, надо принять. Если, конечно, речь не идет о взятках. Услуга, если она оплачена, становится драгоценной услугой, и человек, заплативший за нее, будет чувствовать себя намного комфортнее, чем нежели он не сумеет тебя отблагодарить. Нехорошо вынуждать того человека постоянно чувствовать себя обязанным тебе. Сними с него это бремя, освободи его душу. Естественно, если речь идет о действительно стоящей услуге. Думаю, что ты все поняла. Мне уже много лет, я прожила долгую жизнь и немного разбираюсь в людях. Найди убийцу и приведи к Бедрицкому…» – «Но как я докажу, что это он?» – «Найди доказательства, принеси ему на блюдечке. Он тебя после этого боготворить будет».

И она привела Рафа. Хотя так никогда и не узнала, что же произошло между Бедрицким, мужем изнасилованной и зверски убитой Кати, и самим Рафом-убийцей, но после их встречи Раф явился с повинной. Видать, Бедрицкий сломал его не в физическом, а в психологическом плане.

За два года много воды утекло; разные события произошли в их городе, и Сара, с чьей легкой руки Наталия начала свой странный «бизнес», постоянно помогала ей с клиентурой. Дома, в своем кабинете, играя на рояле, Наталия могла видеть многое такое, что позволяло ей разыскивать людей, предугадывать ограбления, предупреждать о реальной опасности и даже заглядывать вперед, когда речь шла о любовных переживаниях, сомнениях… Логинов, по-свойски помогая ей разными советами и давая в ее распоряжение своих помощников – Арнольда Манджиняна и Сергея Сапрыкина, оказывал ей неоценимые услуги в плане медицинских экспертиз и доступа в архивы. Он знал, что Наталия не останется в долгу и когда он в своем очередном расследовании зайдет в тупик, она с помощью своего странного дара выведет его на убийцу. И все равно Игорь до конца не верил во все это. Странное чувство охватывало его, когда оказывалось, что Наташины видения указали ему непосредственно на преступника, а ему оставалось только доказать его вину. Казалось бы, делай вывод и ставь свое дело на поток. Так нет, он постоянно приписывал ее фантазии к совпадениям, к случаю, к странному стечению обстоятельств… Хотя и говорил, что верит ей. Но она все понимала и страшно злилась на него. А однажды, когда он предложил ей пройти медицинское обследование, дело вообще чуть не закончилось полным разрывом. Она замкнулась в себе и долго не позволяла ему приходить. Однако прошло какое-то время, и он, вдруг заявившись к ней без предупреждения, сказал, что хочет, чтобы она стала его женой. Как и всякая женщина, Наталия это оценила в полной мере, но сказала, что вообще не собирается выходить замуж, что занятие это слишком хлопотное, ответственное, а она еще не созрела и все такое прочее. И он не удивился, он был готов к такому ответу, но после этого они стали друг другу как будто ближе.

Он стал приходить к ней чаще и оставаться на ночь. Ненавидя проводить ночи в своей пустой и холодной квартире, Игорь постепенно перевез к Наталии все свои рубашки и книги, купил зубную щетку и бритвенные принадлежности, а по субботам, вместе с Манджиняном или Сапрыкиным ездил на рынок, чтобы закупить продуктов на целую неделю, и отвозил все это к Наталии. Затем, чтобы она не ныла, что на приготовление ужина у нее уходит весь вечер, он купил ей кухонный комбайн, тостер и много умных и быстрых машин такого же плана и, делая это, постоянно ловил себя на мысли, что эти хлопоты приносят ему все больше и больше удовольствия. Он уже давно забыл, что такое чувствовать себя холостым человеком…

Вместе с отпускными Наталия получила чуть больше пятисот тысяч. Сумасшедшие деньги. Она уже собралась уходить домой, когда из учительской до нее донесся звонкий голос Бланш:

– Орехова! Наталия Валерьевна, к теле-фону-у!

Она взяла трубку и услышала взволнованный мужской голос:

– Наталия Валерьевна, у меня к вам убедительная просьба: вы не могли бы сейчас приехать ко мне? Это пятидесятый километр Петровского тракта, небольшая развилка. Я буду вас ждать ровно в двенадцать часов.

– Но кто это? Я вас хотя бы знаю? – Она уже постепенно начала привыкать к тому, что к ней обращаются незнакомые люди с самыми разными просьбами, но всегда на всякий случай спрашивала, не знакома ли она с этим человеком.

– Можно сказать, что мы с вами не знакомы.

– Вас кто-то рекомендовал?

– Извините, но я не могу сейчас с вами разговаривать… – И он бросил трубку.

Чертовщина какая-то. Наталия тут же перезвонила Саре.

– Сара? Это я. У меня только один вопрос: ты в последнее время давала кому-нибудь телефон музыкальной школы? Мне только что позвонил мужчина и попросил о встрече. Это от тебя?

– Нет. Во всяком случае, в последние три дня – точно никому.

– А что слышно о Майе? – Она не могла не спросить, иначе это выглядело бы как предательство.

– Я ездила к ней. – Голос Сары стал глуше, создавалось впечатление, что она вот-вот заплачет… – Дома ее тоже нет.

– Тогда быстро говори мне адрес Станислава, его фамилию и вообще все, что тебе о нем известно.

Через полчаса она уже мчалась в сторону аэропорта, где жил Станислав Шаталов.

Обычная «хрущевка», слепленная из замазанных чем-то желтым панелей, делающих конструкцию хрупкой и опасной. Черный пушистый грибок, захвативший почти половину стены этого мрачного строения, вызывал ассоциации с покрытым лишаями живым существом.

Поднимаясь на пятый этаж и изнемогая от кислого подъездного запаха, Наталия представляла себе, как сунет сейчас под самый нос воздыхателю Майи две записки, надает ему пощечин и, круто развернувшись, уйдет, хлопнув дверью. Или нет, сначала она попытается во всем разобраться. С этой мыслью она остановилась перед дверью с табличкой «15» и позвонила. Никого. На всякий случай она решила позвонить еще раз – снова никакого результата. Тогда она взялась за ручку двери. Тотчас щелкнул замок, дверь поддалась и открылась. Перед ней предстал узкий темный коридор, в лицо ударил отвратительный запах, от которого она чуть не задохнулась. По коже побежали мурашки: она узнала этот запах. Запах смерти. На улице стояла тридцатиградусная жара.

Человек, который начал разлагаться в спальне приблизительно пару дней тому назад (уроки Логинова по судмедэкспертизе не прошли даром), лежал совершенно голый на окровавленных простынях и уже не мог отмахиваться от зеленоватых жирных мух, чувствовав-

ших себя на его теле полноправными хозяевами. Светловолосый, хорошо сложенный, он лежал с кухонным ножом в животе (из распухшей фиолетовой плоти торчала только белая пластмассовая рукоятка) и смотрел в потолок.

Наталия не могла пошевелиться. Тошнота подкатила к самому горлу.

Глава 2
Смерть филолога

– Игорь, – она позвонила Логинову и разговаривала с ним, отвернувшись от трупа, – ты меня слышишь?

– Прекрасно. Что случилось, заяц? – У него было, по всей вероятности, хорошее настроение, которое так и хотелось испортить.

– Я хочу тебя, – едва справляясь с тошнотой, сказала Наталия. Она накрутила на ладонь свои волосы и поднесла к носу, чтобы дышать их ароматом и не умереть в миазмах разлагающегося тела.

– Ты шутишь? – Логинов перешел на шепот:

– С тобой все в порядке? Мы же, по-моему, только утром… Да-да, товарищ генерал, я все понял. И где он сейчас находится? Записываю…

Она продиктовала адрес.

– В тебе начинает пробуждаться настоящая женщина, – хрипловатым от возбуждения голосом произнес Игорь, – но скажи мне, почему ты хочешь заняться этим не дома, а у своей подружки?

– Потому что у нее здесь так все необычно… Все, я тебя жду, уже раздеваюсь…

Она рассчитала все правильно. Логинов был у двери уже через четверть часа. Настоящий мужчина.

Наталия открыла ему дверь.

– Черт, здесь труп… Ну и свинюха же ты! Хочешь меня импотентом сделать? – Логинов стремительно прошел по коридору и остановился в спальне. Зажав нос, он многозначительно покрутил пальцем свободной руки у своего виска. – Это ты его нашла?

– Ну я. Дальше что? – Она хмыкнула и отвернулась от него.

– Но как ты здесь оказалась? Какие черти тебя сюда занесли? Ты думаешь, у меня мало работы? Так ты мне еще подвалила. Как это, по-твоему, называется?

– Для начала сбавь-ка тон, – перебила его Наталия. – Ты прокурор, вот и работай. Трупы – это по твоей части. А что касается личности этого несчастного, то это, скорее всего, Станислав Шаталов – преподаватель русского языка и литературы в школе номер двадцать один.

– А при чем здесь ты? Он что, твой знакомый?

– Теперь уже нет, но я действительно собиралась с ним познакомиться. – Наталия взглянула на часы. – Вообще-то мне пора. У меня встреча.

– Интересно, с кем же? – механически, не вникая в смысл услышанного, спросил Логинов, присаживаясь на кресло и набирая номер, судя по всему, прокуратуры (куда еще может звонить прокурор, обнаруживший труп, да к тому же еще двухдневной давности?).

– С одним учеником. Он хочет, чтобы я подтянула его по сольфеджио, – говоря это, она, уже направлялась в прихожую и так бы и выскользнула незаметно из квартиры, если бы Игорь не опомнился и не успел схватить ее за руку.

– Ты снова ввязываешься в какое-то дело без меня? Зачем тебе это?

Она молча смотрела ему в лицо. Расскажи она ему про Майю и про записки, про свои видения, он все равно ничего не станет предпринимать – такой уж у него характер. Ему подавай факты, трупы, улики… Ну, положим, труп есть, но разве кувшинка с запиской заинтересует кого-нибудь? Или те восхитительные пейзажи, которые ей привиделись сегодня утром в «классной»? Скорее всего, он воспринял бы это как намек на ее неистребимое желание поехать с ним в отпуск. А ведь эти речные заводи возникли в ее подсознании не случайно.

Весь вопрос только в том, какое отношение они имеют к исчезновению Майи и, возможно, к убийству Шаталова.

– Просто мне скучно, – аргументировала она свое желание снова взяться за какое-то расследование, о чем он уже несомненно догадался. – У меня отпуск. Куча свободного времени. Почему бы не помочь людям?

– Но неужели ты думаешь, что я тебя вот так вот запросто отпущу из квартиры, где ты обнаружила труп? Что тебе известно про этого человека и почему ты здесь? Согласись, твое появление в тех местах, где мои люди обнаруживают трупы, выглядит по меньшей мере странным. У тебя что, нюх на них?

– Считай, что так.

– Ты не ври, а давай рассказывай.

– Пока не могу, – вздохнула Наталия. – А будешь приставать, напишу заяву об изнасиловании.

– Наташа, мне не до шуток. Зачем ты пришла в эту квартиру?

– Одна знакомая дала мне этот адрес и попросила узнать, дома этот Шаталов или нет. Вот я и узнала. Теперь поеду и сообщу ей, что он дома.

– Это Сара?

Наталия возмущенно всплеснула руками:

– Ну она, дальше-то что? Этот Шаталов хотел жениться на Сариной сестре, и она попросила меня взглянуть на него, а потом, сам понимаешь.., посмотреть на их будущее.

– Ну и как, посмотрела? – усмехнулся он, принимаясь по инерции снова набирать номер телефона. Взгляд его стал отсутствующим, что свидетельствовало о том, что он уже вроде как потерял интерес к разговору: узнал, что требовалось, и конечно же поверил.

– Посмотрела, – мрачно отозвалась Наталия. – Слушай, отстань от меня, ладно? Мне пора. К тому же я просто чувствую, как пропитываюсь этими запахами. Отпусти меня: все, что могла, я тебе рассказала. Только если окажется, что этот человек не Шаталов, я здесь ни при чем.

– Ладно, иди, я приду вечером. – Игорь кивнул, полностью погружаясь в разговор с Сапрыкиным (Наталия услышала его: «Серж, привет, здесь такое дело…»). Пользуясь моментом, перед тем как выйти из квартиры, она заглянула в другую комнату: книги, книги и еще раз книги, обеденный стол и два кресла, причем старых, с обтрепанными подлокотниками, и старый же, желтой мягкой кожи портфель, который ему (бедолаге Шаталову) достался, наверное, еще от отца. Или от деда. Наталия открыла портфель и обомлела: он был просто набит пачками долларов.

Ее бросило в жар. Она знала, что через стенку от нее находится прокурор города, который наверняка знает о существовании этих денег (слишком уж большая сумма, да к тому же еще находящаяся в квартире с трупом; Логинов молчит как рыба и редко когда рассказывает ей о своих делах), и портфель с «зелеными» рассказал бы ему о многом, но у него были свои секреты, у нее – свои. К тому же деньги его, кажется, вовсе не интересовали. Наталия быстро затолкала портфель в пакет, который, как и любая другая женщина, всегда предусмотрительно таскала повсюду с собой в сумочке, и спокойно покинула квартиру преподавателя русского языка и литературы, даже ни разу не оглянувшись. Странное чувство испытала она в этот момент. Нет, это была не жалость к жениху Майи, а нечто более сильное. Ведь Шаталов, Стас Шаталов, который всю жизнь учился, много читал и имел полное право на достойную жизнь, был таким же преподавателем, как и она, Наталия, с той лишь разницей, что обучал детей литературе, а она – музыке. И скорее всего, именно из-за этого у него не складывались отношения с Майей, девушкой, всю свою жизнь прожившей в достатке и не способной смириться с бедностью, на которую бы она себя обрекла, связав свою жизнь со Стасом.

Кто бы что ни говорил, а деньги всегда играли в жизни людей первую роль.

Поэтому, обнаружив в его квартире огромную сумму, она очень быстро связала их появление с желанием покойного раз и навсегда покончить с этой самой бедностью. Очевидно, Стас на что-то решился. Но на что? Что такого он мог сделать, чтобы заработать такие деньги? Убить кого-то? Киллерам, даже самым опытным, за услуги платят много меньше. А ведь в портфеле несколько сот тысяч долларов, потому что пачки сплошь из стодолларовых купюр, и таких пачек там очень много.

Есть еще варианты, как он мог заработать эти деньги: шантаж, наркотики, посредническая деятельность… В противном же случае это фальшивые деньги.

Сказать, что пакет с деньгами жег ей руку, было бы не правдой, поскольку это не только было не так, а напротив – от денег исходило какое-то сияние, которое ослепляло, завораживало и делало каждый шаг Наталии осмысленным. Теперь, когда она всерьез заинтересовалась этим делом, можно было надеяться на свои видения: быть может, уже сегодня они ей подскажут что-то, что прольет свет на это убийство.

Звонок неизвестного мужчины в музыкальную школу путал теперь все ее планы. И если не Сара, то кто мог дать этому человеку ее координаты? Очевидно, все-таки Сара. Больше некому. Но почему тогда она это скрывает? Разве она не заинтересована в своих комиссионных?

Как бы то ни было, но звонок был, и она должна была на него как-то отреагировать.

Заехав домой и спрятав желтый портфель с долларами на антресоли, Наталия поехала в сторону Петровского тракта, нарушая правила движения и рискуя в любую минуту быть задержанной работниками ГАИ.

Миновав благополучно город, она вырвалась на синюю раскаленную трассу, почти пустую в это обеденное время, и засекла километраж. Она имела самое смутное представление о пятидесятом километре. Однако через сорок минут Наталия была на месте: вот она, развилка (две дороги, ведущие в поле и лес, и третья – в Петровск) и указатель, информирующий, что до города – 50 км.

Она съехала на обочину и вышла из машины. В кармане белого легкого жакета у нее лежал небольшой дамский пистолет, который приятно холодил руку. Белые прозрачные шифоновые брюки трепетали на теплом тугом ветерке. Волосы развевались, хлестая по лицу и размазывая густую розовую помаду на губах. Высокая, стройная, она всем своим видом вызывала самые различные эмоции у проезжающих мимо автомобилистов: некоторые притормаживали и спрашивали, не надо ли помочь, другие открытым текстом предлагали более интимные услуги, третьи ограничивались восхищенным свистом и идиотскими ужимками… Черный «Мерседес», плавно притормозив рядом, обдал ее жаркой воздушной волной. Матовое стекло опустилось, и на Наталию взглянуло лицо, изрытое глубокими оспинами и жуткими рваными шрамами. Она едва сдержала себя, чтобы не закричать.

Глава 3
Человек со шрамами

– Мадам Орехова? – произнес высоким фальцетом мужчина и посмотрел на нее своими слезящимися, с воспаленными веками глазами. У Наталии от вида этого лица защипало глаза, ей показалось, что и у нее они сейчас заслезятся, а то и вовсе вытекут.

– Да, это я. А кто вы и что вам от меня надо? – сухо спросила она, чувствуя, что ее заносит в очередную авантюру и она слабеет перед искушением втянуться с головой в новое дело. Кто бы подумал, что в ней столько времени дремал могучий авантюрный дух. Она не боялась этого человека. Более того, она жаждала острых ощущений.

– Вам не обязательно знать мое имя. Достаточно того, что вас мне рекомендовал очень надежный человек. Вы оказали неоценимую услугу его родственнику, и я понял, что вы мастерски работаете. Мне необходима ваша помощь.

– Тогда излагайте. – Она даже не шелохнулась, не пригнулась, чтобы получше услышать этого «рябого». Если ему надо будет, он сам выйдет из машины или же пригласит ее сесть рядом с ним, тем более что в машине, как она успела заметить, он находился один.

– Вы должны увидеть нечто такое, что может послужить вам пищей для размышлений. А потом скажете, насколько перспективно то, чем мы занимаемся, – проговорил мужчина, слегка высунувшись из окна. – Вы согласны проехать за мной?

– Вы могли бы ограничиться сводом учредительных документов, текущей документацией и фотографиями. Я уже работала таким образом, и у меня все получилось. Вы предлагаете мне следовать за вами. Где гарантии, что я буду в безопасности? Ведь вы даже не сказали имя посредника. Не проще было бы взять с собой этого человека и изложить все интересующее вас при нем? Я, разумеется, не прочь заработать деньги, но за вами не поеду. Надо быть последней идиоткой, чтобы поверить вам. Так что как следует подумайте в следующий раз – перед тем как звонить мне. – С этими словами она, открыв дверцу своей машины, села и завела ее. Боковым зрением она видела, как поднялось матовое стекло, «Мерседес» словно умер. Она отъехала, а он еще некоторое время стоял без движения.

Наталия развернулась и помчалась в сторону города. В открытое окно врывался густой от цветочных ароматов, почти горячий воздух с полей, которые тянулись по обе стороны шоссе. Ее, никто не преследовал – чего она так боялась? Словом, напрасно потерянное время. Жалко, что номера «мерса» были заляпаны грязью, – она бы позвонила Сапрыкину и попросила узнать, кто хозяин. Что касается человека со шрамами на лице, то она нисколько не сомневалась в том, что на нем была надета тонкая резиновая маска, причем настолько не по размеру, что надавливала на его веки и мешала смотреть. Какой странный тип. Интересно, кто он и что ему действительно нужно?

Она вернулась домой и на всякий случай снова позвонила Саре.

– Сара, ты уверена, что никому не давала мои координаты?

– Ну конечно, я же тебе уже говорила.

– А что слышно о Майе?

– Ничего. – Сара вздохнула – А ты была у Шаталова? Ты видела его, разговаривала с ним?

– Видеть-то видела, но поговорить с ним мне не удалось.

– Почему? Он что, отказался ответить на твои вопросы?

Наталия мысленно представила себе мужчину на окровавленных простынях.

– Это не телефонный разговор, Сара. Если хочешь, приезжай ко мне, и я тебе все объясню. Но предупреждаю сразу: новости мои неутешительные. Так что настраивайся на худшее. Я знаю, ты – сильная женщина…

– Это касается Майи?

– Пока это касается только Шаталова, а насколько пересекались их интересы, мне неизвестно. Так что подъезжай, а я за это время попытаюсь что-нибудь узнать о Майе.

Наталия положила трубку и прислушалась. Ей показалось, что на площадке в подъезде кто-то разговаривает. Она на цыпочках подошла к двери и заглянула в глазок. Ничего не видно. А чтобы увидеть, надо открыть одну из двух дверей. Но тогда ее услышат. Пока она раздумывала, раздался звонок.

Наталия распахнула первую, дверь и посмотрела в глазок. Вот это визит! Этого человека она не видела уже почти два года.

– Глеб Борисович, проходите, пожалуйста. – Она впустила Передреева, мужа Нины Лискиной, убитой Рафом несколькими днями раньше Кати Бедрицкой. Еще один вдовец. Голова совсем седая, но это нисколько не портит его, а даже наоборот, придает его внешности налет трагического шарма, тайны – всего того, что так нравится женщинам.

На нем был светлый костюм, половину лица скрывали строгие черные очки. Высокий, худой, с прокуренным голосом, он сразу приступил к делу.

– Сегодня в двенадцать у вас была назначена встреча с одним человеком. Я прошу вас: выслушайте его и постарайтесь ему помочь.

Он явно имел в виду человека со шрамами, вернее, в маске.

– Вы в курсе его дел? – на всякий случай спросила Наталия, усаживая гостя в кресло. Она ненадолго вышла на кухню и вернулась в комнату с подносом, на котором стояли две чашки с горячим кофе.

– Нет. Абсолютно нет. Я даже не могу сказать вам, что хорошо знаю этого человека.

Он, судя по всему, бизнесмен и предпочитает держать свои дела в секрете. Я знаком с ним постольку поскольку, и, если честно, то меня просил за него небезызвестный вам Бедрицкий. Мы, деловые люди, должны помогать друг другу.

Наталия внимательно посмотрела на Передреева:

– Тогда почему же сам Бедрицкий не обратился ко мне?

– Он сильно болеет. Лежит в больнице и никого не хочет видеть. Похудел так, что его невозможно узнать.

– Понятно. Если хотите курить, курите, – предложила она. – Я сейчас принесу пепельницу…

– Нет-нет, мне пора. Спасибо за кофе. Так вы исполните мою просьбу?

– Хорошо, но гарантировать ничего не могу. Вы, надеюсь, сказали ему об этом? Все, что увижу, – расскажу, а уж дальше пусть он действует сам.

Передреев достал из нагрудного кармана пиджака конверт – плотный и коричневый, какие продаются на почте и в каких отправляют толстые заказные письма, – и протянул Наталии:

– Вот. Это аванс. Здесь две тысячи долларов. Остальное получите от Левы. – Он, проговорившись, сразу же стушевался и мотнул головой. По-видимому, он теперь не знал, как себя вести: то ли попросить у нее, чтобы она забыла только что оброненное им имя, то ли сделать вид, что ничего вообще не произошло, в надежде, что она не обратила на это внимания.

– Я все поняла, – проговорила она, глядя мимо него и тем самым вводя его в очередное заблуждение, чтобы он так и не понял, услышала она имя заказчика или нет. – До свидания. Передайте ему, чтобы он звонил мне в любое время. И еще: он носит совершенно немыслимую маску, от которой меня пробирает мороз по коже. Скажите, что я умею держать язык за зубами и что он спокойно может обойтись без маскарада.

По удивленному выражению лица Передреева Наталия поняла, что ни о какой маске он ничего не знал.

Они тепло попрощались, Передреев ушел, а спустя несколько минут к ней пришел Логинов.

– Послушай, кто это был у тебя только что? Передреев? Что ему от тебя надо?

– Никакого Передреева здесь не было. – Наталия говорила это относительно спокойно, поскольку чашки после кофе она успела сполоснуть и убрать в буфет. – Возможно, он и был в моем подъезде, но только не у меня.

– Ты как всегда врешь, Наташа. Ты постепенно превращаешься в хроническую врушу, это у тебя уже в крови. Хотя тебе хорошо известно, что я все равно все узнаю, – убежденным тоном произнес Игорь. – А теперь поскорее накорми меня, иначе я съем тебя. – Он схватил ее за руку, притянул к себе и принялся покусывать ее щеки, шею, руки, губы…

В такие минуты она уже не принадлежала себе. Ей безумно хотелось, чтобы он почаще вот так приходил к ней, чтобы обнимал и крепко сжимал в своих объятиях, как изголодавшееся по любви большое и нежное животное. Конечно же он заехал к ней не только пообедать. Он не мог простить ей черного юмора, связанного с квартирой Шаталова», и теперь решил добиться своего всеми правдами и не правдами.

– Подожди, ты порвешь мои шифоновые брюки… – Она высвободилась и разделась сама. Дальше все произошло быстро и импульсивно: он подхватил ее на руки и отнес в спальню.

– Как прокурор, я просто обязан это сделать, понимаешь? – говорил он, обрушиваясь на нее всей своей тяжестью и грозя раздавить ее хрупкое тело или в порыве страсти сорвать скальп.

– Хорошо, что ты не палач, – отбивалась она от него, превращая любовный поединок в щенячью возню с визгом и рычанием.

…Они угомонились часа через полтора. Наталия, завернувшись в простыню, пошла на кухню разогревать суп и котлеты – прозаическую еду для утомленного работника прокуратуры.

– Милый, тебе накрошить укропу с петрушкой? – ангельским голоском спросила она его, возникнув в дверях с тарелкой, полной густого ароматного супа. Она знала, что делала, обезоруживая его подручными средствами, чтобы расслабить окончательно и выудить из него все-, что только возможно на сегодняшний день.

Игорь, потянув носом, понял, что с этой женщиной у него все более чем серьезно, и вновь подумал о женитьбе. От супа ему стало так хорошо, что он потерял счет времени и совершенно забыл о том, что к четырем часам к подъезду должна подъехать его служебная «Волга» с голодным и уставшим Арнольдом Манджиняном, который, пока его шеф отдыхал в постельке со своей возлюбленной, выполнял его поручения.

– Бараньи? – блестя глазами, спросил благодарный Логинов, показывая на гору дымящихся котлет с аппетитной шипящей зажаренной корочкой.

– Бараньи, как ты любишь, – елейным голоском ответила Наталия и принесла из кухни большой бокал с вишневым компотам. – Ну как, нашел своих преступников? – поинтересовалась она, глядя ему прямо в глаза. Говорить о деньгах она пока не стала: вдруг он о них ничего не знает, а нейтральное слово «преступник» действует всегда безотказно.

– Столько бьемся, а результатов никаких. Полный ноль, – отвечал с набитым ртом Логинов. – Люди как в воду канули. В разное время, но путевки-то брали в одном и том же бюро. Директор божится, что никого в Коктебель не отправлял, мы проверяли его алиби: на тот момент, когда к нему обращались работники областной думы и люди из городской администрации, в основном мэрии, конечно, он как раз был в отъезде, в Москве. Арнольд звонил туда – все совпадает. А что это означает? – Он так увлекся, что забыл, с кем разговаривает.

– А это означает, что кто-то действовал от его имени. Вернее, прикрывшись его именем. И сколько человек «канули в воду»?

– Представляешь, пятьдесят человек. Как я уже и говорил, в разное время, – начиная еще с зимы… У всех семьи, хотя оказалось и несколько холостых, вот их и хватились позже всех. Понимаешь, уж больно дешевые были путевки – что такое тридцать тысяч вместе с дорогой? И можно было взять только одну. Якобы специально для работников такого уровня. Льготная, что называется, путевка. Я бы и сам взял, хотя, согласись, цена фантастическая…

– Вместе с дорогой? Неплохо живется работникам мэрии, – подлила масла в огонь Наталия, одновременно добавляя компота в бокал. – Мне, что ли, тоже в мэрию устроиться…

– Глупая, все эти люди пропали. Ушли с вещами на вокзал, попрощались с родственниками, хотели уже сесть на поезд – кто на адлерский, кто на сочинский или краснодарский, здесь показания провожающих расходятся, – но в это время подъехал микроавтобус, вышел какой-то человек и сказал, что они не поедут, а полетят, а в автобусе мест для провожающих нет. Ну и эти «туристы» садятся в этот автобус и уезжают. И все. Больше о них ни слуху ни духу.

– То есть автобус должен был их как будто отвезти в аэропорт?

– Вот именно. Но в те дни ни одного самолета в этом направлении днем не отправлялось. Только два ночных рейса и один утренний, в пять часов на Сочи. И все. Спрашивается, куда подевались люди?

Игорь допил компот и встал из-за стола. Затем, вспомнив, что он совершенно голый, быстро оделся, чмокнул Наталию в щеку и улыбнулся:

– Ты, хитрая лиса, все у меня выведала? Но так и быть, я тебя прощаю. Спасибо, за обед, ты превзошла самое себя.

– Вечером будут блинчики. А если не придешь, я приглашу Арнольда с Сергеем, которых ты держишь на голодном пайке, понял?

– Приду, конечно, куда же я денусь.

Он ушел, и в квартире стало тихо! Наталия перемыла посуду и легла в постель, вспоминая события последних трех часов. А ведь ей надо было работать. Отрабатывать две тысячи долларов. Кроме того, ее разбирало любопытство по поводу происхождения желтого портфеля с колоссальной суммой. Но после объятий Игоря она находилась в какой-то прострации и ни о ком, кроме него, не могла думать. Она растянулась на сбитых простынях и закрыла глаза. И словно почувствовала тяжесть и запах его тела, мягкость шелковистых волос, вкус губ, и от нахлынувших воспоминаний и ощущений ей стало жарко. Он совершенно выбил ее из колей. Нет бы ему остаться и повторить все с самого начала… Эта дурацкая работа. Дурацкие деньги.

Она нашла в себе силы подняться, застелить покрывалом постель, затем встала под холодный душ и наконец успокоилась. Зависимость тела от мужчины – что может быть унизительнее. Надо быть выше этого.

С этими мыслями она вошла в «классную»

(или кабинет, что тоже подходило к определению этой странной комнаты) и посвежевшая, в легком халате села за рояль. Белые кружевные занавески играли с солнечными зайчиками в прятки. Слабый ветерок шевелил волосы на голове. Она откинула их за спину, вспомнила одну из своих любимейших мелодий – арию Нормы из одноименной оперы Беллини – и взяла несколько аккордов вступления, мягких и благозвучных.

Сначала она вновь оказалась на берегу реки и услышала щебет птиц, затем картинка будто смазалась невидимой жесткой кистью, и возник темный узкий коридор с большими емкими полками по обеим сторонам. На полках, прижимаясь друг к другу, стояли стеклянные и прозрачные пластмассовые банки с краской: желтой, красной, синей, зеленой, белой… Такими банками в работе пользуются художники. Она словно двинулась вдоль по коридору, пока не посветлело, – возникла просторная мастерская, заставленная мольбертами и огромными картинами – холстами с подрамниками, занимающими почти все пространство мастерской. Не было видно только хозяина.

Движение прекратилось. Последнее, что успела увидеть Наталия, закончив игру, было окно мастерской, выходящее на площадь.

Она оглянулась – ей показалось, что часть мастерской осталась где-то здесь, в комнате, настолько сильно ощущался запах масляных красок.

Ну и к чему все это? Она думала и о человеке в маске, и о желтом портфеле, и об убитом Шаталове, и об Игоре… Что может подсказать ей вид мастерской художника?

Наталия закрыла глаза и попыталась снова наиграть ту же мелодию. И снова возник темный коридор с полками, заставленными красками. Что за чертовщина!

Она вышла из «классной», надела легкие светлые шорты и белую трикотажную блузку, сунула в карман пистолет, накинула на плечо сумку, на другое – фотоаппарат «Полароид» – на всякий случай – и вышла из дома. Видела бы ее мама, уверенная в том, что ее дочка сейчас в поте лица готовит к экзаменам выпускников музшколы… Маме-то хорошо, она живет в Германии, покупает утром молоко за настоящие марки и каждый день качественно улучшает свою жизнь.

Стоп. Хватит думать о маме. Просто надо ей позвонить и справиться о ее и папином здоровье. Это пока все, что она может для них сделать Заперев двери, Наталия спустилась вниз, села в машину и, не выдержав, достала из «бардачка» пачку с сигаретами «Честерфильд». Вытащила одну и закурила. И вдруг увидела приближающуюся к ее дому Сару. Она распахнула дверцу и позвала ее Это была и Сара, и не Сара. Она сильно изменилась за те несколько часов, что они не виделись. Бледная как бумага, с потемневшими глазами и осунувшимся лицом, она выглядела как побитая собака, несмотря на превосходный макияж и дорогую прозрачную одежду в красно-черных тонах.

– Садись, – пригласила ее Наталия. – Что-нибудь еще случилось?

Женщина устало опустилась на сиденье и вдруг закрыла лицо руками.

– Ну же, не молчи. Что произошло?

Сара отняла ладони от лица – они были все в размокшей туши и красной помаде.

Не говоря ни слова, она открыла большую лаковую сумку и достала оттуда плотный целлофановый прозрачный пакет с чем-то черным и длинным, словно обугленные палки.

– Это Майя, – сказала она и, в ужасе швырнув пакет на пол, забилась в истерике.

Глава 4
Хрустальные пчелы

Только спустя полчаса Наталии удалось узнать, что Майя, сестра Сары, еще вчера трагически погибла в автомобильной катастрофе. Она не справилась с управлением, и ее машина, вылетев с трассы и рухнув в овраг, взорвалась и сгорела дотла. Сара в морге опознала два кольца Майи, браслет и останки ее рыжего портфеля (по пряжке). Не осталось ни кусочка плоти, одни обугленные кости.

Наталии пришлось вместе с Сарой вернуться домой, чтобы налить ей водки и уложить спать. Пакет с костями наводил на нее ужас. А в голове носилась одна и та же мысль: почему в машине, кроме костей, не обнаружили ни головы, ни прочих крупных частей тела? Ведь в баке машины может поместиться максимум сорок литров бензина. Этого явно недостаточно для того, чтобы от человека осталось лишь несколько обгоревших костей. Что-то здесь было явно не так. Но разговаривать на эту тему с Сарой было теперь бесполезно: она крепко спала на диване, поджав под себя ноги и положив по-детски ладонь под щеку. Большой настрадавшийся ребенок. Наталии было нестерпимо жаль ее.

Она позвонила Сапрыкину, надеясь на то, что он окажется на месте. Они с Арнольдом словно находились в сговоре с Наталией и всегда старались угодить ей, когда она звонила им и просила что-нибудь для себя выяснить. Прокуратура – это такой сложный и влиятельный общественный орган, что навести там справки о чем-либо, касающемся оперативной информации, труда большого не составляет. Этот вывод Наталия сделала сама, когда убедилась, как же хорошо иметь друзей в прокуратуре. К Логинову она по таким мелочам, как узнать номер машины или какие-нибудь подробности недавнего происшествия, не обращалась: не хотела лишний раз напоминать о себе. Пусть он думает, что она большую часть времени проводит на кухне.

– Сережа? Слава Богу, что ты на месте. Погибла сестра моей подруги Сары, Майя Кауфман. Как фамилия инспектора, который занимается этой катастрофой? Мне необходимо узнать, не было ли в машине помимо обычной запасной канистры с бензином какого-нибудь еще горючего. Очень тебя прошу, выясни это для меня, пожалуйста. Игорю, разумеется, ни слова. Я буду ждать твоего звонка.

Оставив Саре записку, она, не дождавшись звонка Сапрыкина, поехала на набережную. Большой старый дом, примыкавший к террасе бассейна, занимали мастерские художника. Где-то здесь находилась и та, которую Наталия увидела несколько часов назад у себя в «классной».

Щурясь от солнца, она вошла в подъезд и чуть не задохнулась от смердящего кошачьего духа, к которому примешивался еще более отвратительный запах вареного лука. Забравшись на третий этаж, она распахнула надтреснутое тусклое окно и выглянула на улицу. Открывшийся перед ней вид очень походил на тот, который открывался из окна той мастерской. Чем выше она поднималась по лестнице (а дом был шестиэтажный), тем сильнее пахло скипидаром и красками. Специфический запах, сопутствующий художникам и отчасти музеям.

Наталия даже представления не имела, каким образом будет искать мастерскую. Но ее не покидало чувство, что именно там она найдет нечто, что прольет свет на интересующие ее события, которых с каждой минутой все прибавлялось и прибавлялось.

– Вы ко мне? – услышала она чей-то голос и тотчас подняла голову. Сверху на нее смотрело молодое смеющееся лицо. – Я давно за вами наблюдаю. Вас прислал Гусаров?

Это милое лицо принадлежало худощавому парню в потертых джинсах и светлой полотняной рубашке с короткими рукавами. Кудрявая голова делала его очень женственным, но про-

бивающиеся темные усы все-таки выдавали в нем представителя мужского пола. Большие голубые глаза смотрели на Наталию, буквально раздевая ее.

– Почему Гусаров? – спросила она, надеясь с помощью этого словоохотливого, скорее всего, художника найти то, что она искала.

– Потому что только Гусарову удается разыскать таких девочек, как ты. Поднимайся скорее, мне не терпится тебя раздеть.

Она уже поняла, что ее приняли за потенциальную натурщицу, и вздохнула, представив, что сейчас ей действительно придется раздеться, чтобы войти в доверие к этому юному художнику, помешанному на обнаженных девушках.

Она поднялась по ступенькам и встала рядом с парнем:

– А тебе не кажется, что такое обилие обнаженных тел может дурно сказаться на твоей потенции, а?

– Не понял.

– Я здесь случайно. Ищу одну мастерскую, откуда бы открывался хороший вид на Волгу. Ты не мог бы мне помочь в этом деле?

Он провел пальцем по ремешку ее фотоаппарата и понимающе кивнул.

– Фотокор? Понятно. Лучше, чем из моей мастерской, вида тебе не найти. Но еще лучше он открывается из моей постели. Пойдем, ты не пожалеешь, что познакомилась с Гариком Карапетяном…

– Ты что, действительно сексуальный маньяк? Если ты так уж озабочен, то давай я тебе ампутирую твой орган, и тогда, возможно. ты принесешь несравнимо больше пользы обществу, чем в твоем теперешнем неудовлетворенном состоянии.

И тут кудрявый Гарик вытаращил и без того огромные глаза. Наталия была удовлетворена такой реакцией на ее слова, но вдруг услышала:

– Наталия Валерьевна, это вы? – Юный и нахальный художник в одно мгновение превратился в маленького смущенного мальчика. – Вы меня не узнаете? Это же я, Гарик. Я проучился у вас целых три дня, а потом меня перевели в художественную школу…

Только этого еще не хватало. Бывший ученик. Похоже, их развелось по городу как собак нерезаных.

– Узнала, ну и что? Это не меняет дела. Ты уже вполне взрослый, сформировавшийся молодой человек и, надеюсь, правильно меня понял. Во всяком случае, я не собираюсь забирать свои слова обратно. Ты мне лучше расскажи, из какой мастерской открывается сносный вид на Волгу. Мне надо приятельнице в Англию послать снимок для ее будущей книги. Ты все понял?

Гарик кивнул.

– Я обманул вас. Из моей мастерской, вернее, из мастерской моего отца, виден только внутренний дворик дома губернатора, за которым интересно наблюдать в вечерние часы при помощи бинокля. На Волгу же открывается вид из трех мастерских: Мальцева, Рыбакова и Ильи Алефиренко. Если хотите, можно к ним сейчас зайти – заодно посмотрите их работы, может, что и купите.

Она посмотрела на него снисходительно – другого взгляда он и не заслуживал – и согласилась. Гарик позвонил в одну из массивных, еще довоенного образца дверей и замер, прислушиваясь к звукам. Но им никто не открыл.

– Ильи нет, наверное, вышел. Совсем недавно я видел его в обществе девушки, блондинки… – осекся Гарик и поднялся на последний, шестой, этаж. Позвонил. Им открыл Мальцев – расхлябанный рыжебородый художник, который, икая, пригласил их войти. Он предложил им попробовать малосольных огурцов и заодно взглянуть на его «Хрустальных пчел».

– Что это? – шепотом спросила Наталия, следуя за Гариком вдоль темного, заваленного хламом коридора, в точности такого, какой она и видела.

Они прошли за хозяином в мастерскую, и Наталия увидела огромное полотно, занимающее практически все пространство: на лимонно-желтом фоне – сверкающие, словно действительно сделанные из хрусталя пчелиные соты, а над ними вьются бархатные желто-черные и какие-то уютные, неторопливые пчелы. Но это видно только издали.

Вблизи же картина представляла собой сочную и яркую солнечную цветовую гамму – скопище крупных мазков, жирных и блестящих.

– Мне нравится, – дрогнувшим голосом проговорила Наталия, потрясенная этим шедевром. – Вы продаете?

– Она уже куплена, – сказал Мальцев, протягивая им блюдце с нарезанным малосольным огурцом, от которого пахло почему-то арбузом и укропом.

– Интересно кем?

– Одним американцем, за тысячу баксов.

– Я дам вам две тысячи, – вырвалось у Наталии, и она почувствовала, что готова выложить за картину и больше, чтобы только каждое утро вставать и сразу же видеть ее. Она как завороженная смотрела на нее и не могла отвести глаз. – Понимаете, – она повернулась к Гарику и Мальцеву, с интересом поглядывающим на странную и более чем скромно одетую молодую особу, из уст которой только что «выпала» такая сумма, – я не шучу. Все дело в мироощущении. Эта картина созвучна моей душе, и я хочу ее купить. Скажите вашему американцу, что вы передумали, идет? Даже если картина стоит намного больше, в нашем городе дороже вы ее не продадите. Здесь слишком ценят недвижимость иного плана: дома, квартиры и даже кварталы… Вы согласны?

– И когда вы намерены мне за нее заплатить? – поинтересовался хозяин картины.

– Через час, не раньше.

Мальцев пошел красными пятнами. Он мысленно уже объяснился с американцем и теперь только ждал момента, когда же сможет своими руками подержать такую кучу денег.

– Хорошо, я согласен. Буду вас ждать. Наталия подошла к окну и поняла, что нужная ей мастерская находится левее, как раз там, где им никто не открыл.

– Извините, я не знаю, как вас зовут… А где же ваш сосед, Илья? – спросила она.

– У себя. Во всяком случае, был недавно. Если хотите, подождите его здесь. А вы что, знакомы с ним?

– Нет. Мне сказали, что у него можно купить неплохие натюрморты… – выдумала она на ходу. На что Мальцев скорчил рожу и хохотнул:

– Да он в жизни не писал натюрмортов. У него одни пейзажи. Вот сходите к нему и посмотрите… Кстати, он может вам и не открыть. – Он многозначительно ухмыльнулся. – Когда у него женщина, он ни за что не откроет. Даже родной маме.

– Очень жаль, – пожала плечами Наталия. – В таком случае я съезжу за деньгами. Если хотите, поедемте вместе.

Он, нервничая, съел два огурца подряд и теперь стоял как неприкаянный, все еще не веря в свое счастье.

– Хорошо, поедемте.

– Гарик, если хочешь, поедем с нами, – пригласила она своего бывшего ученика, который едва не изнасиловал ее на лестнице, но тот покраснел и отрицательно покачал головой. Оно и понятно.

Они обернулись за полчаса. Сара все еще спала. Пока Мальцев стоял в прихожей, Наталия перезвонила Сапрыкину и узнала от него, что, как она и предполагала, в машине Майи Кауфман были найдены еще три (!) канистры, причем все с отвинченными крышками. Машину явно хотели сжечь, чтобы замести все следы.

– Тебе не кажется странным, что не нашли голову девушки? – кричала она в трубку, забыв на время о существовании художника и спящей сестры погибшей.

– Кажется. Эксперты взяли несколько костей на анализ, а остальные, как тебе известно, забрала ее сестра, – отвечал скрупулезный и ответственный во всех отношениях Сергей Сапрыкин.

– Спасибо, Сережа, ты настоящий друг.

– Всегда рад помочь, сама знаешь…

Она положила трубку и, вспомнив про Мальцева, хлопнула себя по лбу:

– Извините, я увлеклась… Сейчас вернусь. – Наталия скрылась в спальне и вышла оттуда с коричневым конвертом. Она аккуратно разорвала его и достала новенькие хрустящие долларовые купюры. – Вот, здесь ровно две тысячи. А сейчас поедем за картиной. Я повешу ее в спальне – она займет почти всю стену, и это потрясающе…

…Пока Мальцев в своей мастерской отделял холст от рамки, Наталия, воспользовавшись моментом, выскользнула в подъезд и еще раз позвонила в дверь Ильи Алефиренко (она узнала фамилию от Мальцева). И снова тишина. Она толкнула дверь, и когда та поддалась, ей сделалось нехорошо. Все повторялось: сейчас она войдет в мастерскую и увидит мертвого художника. Да что же это за такое!

Она вернулась к Мальцеву и сказала как ни в чем не бывало:

– Знаете, Петр, – она теперь уже знала и его имя, – там дверь не заперта. Может, он все-таки дома и просто не слышит звонка. Вы не посмотрите?

Мальцев, отряхнув руки, поднялся с пола, где возился с крохотными гвоздями, которыми крепился холст на подрамник, и направился к Дроздову. Вернулся он очень скоро. сказала об этом Логинову, то Алефиренко был бы жив? Но это же абсурд! Ведь она видела лишь мастерскую, не более того. И как должен был отреагировать Логинов на ее заявление о том, что она видела мастерскую художника, окна которой выходят на Волгу? Он бы в лучшем случае поздравил ее с очередными галлюцинациями и посоветовал обратиться к психоаналитику.

Наталия открыла дверь, страх заставил ее сердце биться сильнее. Кто бы мог подумать, что она в своей жизни столкнется со столь острыми ощущениями, причем по своей воле? И все из-за ее упорного желания достичь той степени самодостаточности, когда она сама сможет решать свою судьбу, а такое право ей могут дать только деньги. Так считала она, так считала и Сара…

В мастерской все было перевернуто вверх дном. Сильно пахло растворителем. Наталия даже, представила себе сцену: убийца, после того как вогнал нож в спину художника, стал что-то искать и наверняка выпачкал руки в краске. Потом, откупорив бутылку с растворителем, принялся очищать руки.., и от краски, и одновременно от крови. А вот и тряпка. Так и есть: следы синей и коричневой краски и какие-то бурые подозрительные пятна. Она перевела взгляд на художника, вернее, на его скорчившийся в несуразной позе труп. Большое кровавое пятно на спине, эпицентром которого служил нож с белой пластиковой ручкой, было еще влажным.

Понимая, что ей вряд ли удастся установить что-то большее, чем сам факт убийства, Наталия еще раз обошла разгромленную мастерскую, на полу которой валялись опрокинутые пластиковые банки и тубы с красками, разбитая керамическая ваза, по форме напоминавшая этрусскую, полуувядшие ромашки с клевером в луже затхлой желтоватой воды, смятые листы ватмана, и, решив оставить себе что-нибудь на память, подняла небольшую картонку с лубочной картинкой: бело-коричневые и пегие коровы пасутся на зеленом, гладком как шелк лугу. За такой пейзаж она не дала бы даже гривенника.

Вспомнив, что за холст, свернутый в жесткий рулон, она недавно отвалила две тысячи баксов, Наталия быстро покинула квартиру Алефиренко (или мастерскую, как угодно), выбежала на улицу и, отыскав ближайший таксофон, позвонила Логинову:

– Игорь, записывай адрес…

– Снова сюрприз? – отозвался он откуда-то издалека, словно из другого измерения. – Я угадал?

– Угадал. Так ты записываешь?

Глава 5
Желтый портфель

Она вернулась к машине. Город купался в теплых солнечных лучах; в палисадниках и клумбах звенели пчелы. Хрустальные же пчелы сейчас зазвенят в ее спальне, как раз напротив кровати. Человек умер, его убили, но жизнь-то продолжалась.

Наталия вспомнила про несчастную Сару и поспешила домой.

Услышав ее шаги в прихожей, Сара проснулась. Она сидела и смотрела куда-то в пространство. Лицо ее еще больше осунулось, нос распух, под глазами набрякли сиреневатые мешки. На нее было больно смотреть.

– Сара, дорогая, успокойся. Майю же вес равно не вернуть. Я попыталась что-то узнать об этой страшной катастрофе. Ты можешь мне, конечно, не поверить, но дело нечистое. В машине помимо бензина, находящегося в баке, было еще целых три канистры… Тебе это ни о чем не говорит?

Сара подняла на нее глаза и пожала плечами: по всей видимости, она сейчас туго соображала.

– Она хотела сгореть дотла, понимаешь? Или же кто-нибудь другой хотел этого. Крышки канистр были отвинчены. Все было рассчитано. Попытайся вспомнить, как Майя жила в последнее время. С кем встречалась, куда ездила и чем, в конце концов, занималась? И еще я хотела спросить, где и кем она работала после убийства Принцева?

– Слишком много вопросов, Наташа. Насколько мне известно, у нее были кое-какие сбережения и она особенно не напрягалась по части работы. Писала время от времени какие-то заказные статьи.

– Для кого? Кто ей платил? Под каким именем?

– Под своим, кажется. Это были, как правило, статьи-портреты, представляющие того или иного потенциального политического деятеля. Нейтральные, одним словом. В основном речь шла о государственных чиновниках из мэрии и губернаторского окружения. Ничего особенного, так, мелкие сошки, рвущиеся к власти. Кстати, ты слышала о том, что около пятидесяти человек поехали отдыхать в Коктебель и не вернулись…

– Да что ты? И что же с ними случилось? – Наталия поймала себя на том, с какой легкостью она научилась врать. Впору и самой поверить в то, что она впервые слышит про Коктебель и про все, что с ним связано.

– Не забывай, что я работаю в косметическом салоне. Там свои источники информации. Но что удивительно – у женщины пропал муж, уехал и не вернулся, а она по инерции или по каким-то другим причинам продолжает ходить на косметический массаж, в солярий, регулярно делает маникюр… Я ничего не понимаю.

– Неужели действительно пропало около пятидесяти человек? – продолжала Наталия играть свою роль. – Все одновременно или как?

– С зимы начали пропадать. Путевка сроком на месяц, представь, а стоимость чисто символическая. И жесткое условие: ехать должен только один человек – тот, чье имя указано в путевке. Кто бы отказался?

– А как же, интересно, решались вопросы с отпусками? Неужели они совпадали?

– Устраивались кто как мог: кто по больничному поехал, кто выцарапал второй отпуск, кто за свой счет… Кроме того, говорят, это были министерские путевки от Газпрома или чего-то в этом роде. И что якобы были звонки из Москвы… Но точно-то тебе никто ничего не скажет. Одно ясно – ни один дурак не откажется почти даром отдохнуть на море.

Наталия заметила, что Сара немного успокоилась. Однако спустя некоторое время она снова заговорила о Майе.

– Я не девочка и, конечно, понимаю, что плакать и убиваться бесполезно. Одно меня утешает – я не видела Майю, ее истерзанного тела. Ты извини меня за истерику, которую я устроила там, в машине…

– Да чего уж… – Наталия подумала о том, что будет с престарелыми родителями Сары и Майи, когда они узнают о смерти дочери. Но спрашивать, сообщили ли им уже об этом, она не стала.

– Ты так и не посмотрела насчет Майи? – тихо спросила Сара, понимая, что теперь уже это не имеет никакого значения.

И Наталия рассказала ей о цветущих берегах, кувшинках…

– Кувшинки? У меня создается такое впечатление, словно ты описываешь тот спортивный лагерь, в котором неделю тому назад отдыхала Майя. Я приезжала туда к ней, мы взяли напрокат лодку и уплыли довольно далеко от лагеря… И там были кувшинки. Майя хотела сорвать одну, но не смогла: стебель был очень плотный, упругий; мы даже чуть лодку не опрокинули…

Наталия посмотрела на часы и вспомнила, что обещала Логинову на ужин блинчики. Она сказала об этом Саре.

– Прекрасно. Давай-ка я этим и займусь, – предложила она. – Хотя бы так развеюсь. А потом уйду, не буду вам мешать. Если честно, то я его побаиваюсь.

– А когда же ты займешься похоронами?

– Завтра. – Сара зябко передернула плечами, как будто на нее вдруг повеяло холодом. – Мне необходимо выпить, у тебя осталась водка?

С ней было бесполезно разговаривать на серьезные темы. Она предпочитала зализывать раны по-своему. Наталия, проводив ее на кухню, показала, где находятся нужные продукты, и налила ей полстакана водки, затем направилась в спальню к оставленному там драгоценному холсту «Хрустальные пчелы». Разложив этот шедевр на кровати и полу, настолько он был большим, она пригласила в комнату Сару.

– Боже, сколько света и тепла! – воскликнула Сара, прижимая перепачканные в муке руки к бедрам, чтобы случайно не задеть холст. – Откуда у тебя это чудо?

– Купила сегодня за сумасшедшие деньги. Тебе, значит, нравится?

– Ох, блин сгорел… Конечно, нравится! – И она умчалась на кухню. Водка явно пошла ей на пользу.

Наталия едва успела свернуть рулон и спрятать его под кровать, как раздался телефонный звонок. Она в волнении взяла трубку, словно предчувствуя, кто бы это мог быть.

– Я слушаю.

– Мы с вами сегодня уже виделись, – услышала она знакомый голос и вздрогнула: пора было отрабатывать полученные от Передреева деньги. – Вы не смогли бы подъехать сейчас к ресторану «Европа», я буду ждать вас в своей машине.

– Хорошо, сейчас подъеду.

Она положила трубку и подумала о том, что, когда вернется Логинов, ее, вероятнее всего, дома еще не будет. Увидев Сару в переднике и почуяв запах свежеиспеченных блинов, он, пожалуй, о Наталии даже и не вспомнит. Любитель поесть.

Она усмехнулась, взглянула на себя в зеркало и пошла одеваться. Строгий жемчужно-серый брючный костюм, волосы забраны вверх и сбрызнуты лаком, в сумочке пистолет. Как это все смешно. Куда она едет на ночь глядя? Какую жизнь она для себя выбрала?

Но колесо завертелось, надо было действовать.

Благоухая духами, Наталия зашла на кухню и сказала Саре, что вернется через час.

– Приедет Игорь – покорми его, пожалуйста. За блины он тебе расскажет все, что хочешь… Еда – его слабое место.

Сара горько улыбнулась и снова повернулась к плите: надо было срочно переворачивать блин. На кухне стоял синий чад, и Наталия, чтобы не пропитаться запахом горящего масла, почти выбежала из квартиры, села в машину и не спеша поехала к центру, к ресторану «Европа».

На узкой улочке было припарковано три черных «Мерседеса». В каком из них находился человек в резиновой маске, определить было невозможно. Поэтому она сначала подошла к одному, заглянула в салон и, увидев светловолосую девушку, курившую в одиночестве, извинилась и направилась к следующему автомобилю. Там вообще никого не было. И только в третьем она увидела мерзкую рожу со шрамами.

– Вы смешно выглядите в этой маске, – не выдержав, сказала Наталия, обойдя машину и дождавшись, пока ей откроют дверцу. Она села рядом и повернулась, чтобы получше рассмотреть своего «клиента».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.